

С. В. Любичанковский
ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ:
ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ПОРЕФОРМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-106-114

УДК 94(470.5)

ББК 63.3(235.55)

В статье обобщены данные об обучении инородцев казахского происхождения в так называемых русских средних и профессиональных учебных заведениях Оренбургского края (гимназиях, учительских школах, фельдшерских школах, сельскохозяйственных школах) в период пореформенной модернизации. Показаны типичные направления карьерного роста казахов — выпускников данных учебных заведений. Реконструированы основные сложности, сопутствовавшие процессу набора казахов в эти школы и обучения в них. Сделан вывод, что реализуемая центральной и региональной властью политика аккультурации в сфере просвещения активизировалась в пореформенный период в связи с вовлечением национальных меньшинств в модернизационные процессы освоения окраинных территорий. Процесс формирования казахской интеллигенции в Оренбургском крае и сопредельной ему Казахской степи был напрямую связан с образовательной и просветительской политикой имперских структур. Империя добилась больших успехов на пути конструирования единого социокультурного пространства в регионе, одной из составляющих которого стало создание системы образования с включением в нее как русско-казахских и аульных школ, так и обычных средних и профессиональных учебных заведений, принимавших к себе инородцев. В итоге Оренбург стал тем городом, где были заложены основы для развития казахской интеллигенции, а следовательно, и для упрочения казахской национальной идентичности. Подчеркнуто, что это происходило не вопреки, а именно вследствие реализации имперской политики аккультурации средствами просвещения. Сделан вывод о том, что вызов пореформенной модернизации, связанный с противоречием между проникающими в степь новациями и отсутствием в инородческой казахской среде возможности адекватно воспринять их и воспользоваться предлагаемой инфраструктурой на благо собственного развития, породил ответ в виде интегрировавшихся через русскую образовательную систему казахов, ставших новой элитой казахского народа — не по праву крови, а исходя из приобретенных новых компетенций и взглядов на жизнь. Эта новая национальная интеллигенция стала мощным фактором культурного и даже государственного роста казахов в составе России.

Ключевые слова: *казахская интеллигенция, пореформенная модернизация, образовательная система, Оренбургский край, аккультурация, просвещение*

Пореформенная модернизация породила целый ряд вызовов, среди которых одним из сложнейших являлся процесс активного вовлечения нерусскоязычного населения национальных окраин в единое социокультурное пространство империи. Необходимо помнить, что российская модернизация осуществлялась в условиях незавершенного освоения территории — это феномен, который профессор И. В. Побережников обозначил как «фрон-

тирную модернизацию».¹ Начавшись на Южном Урале еще в XVIII в.,² в пореформенный

¹ Побережников И. В. Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века): сб. статей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Оренбург, 2012. С. 17–20; Он же. Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2010. Вып. 11. С. 202–210; Он же. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизации. М., 2015. Вып. 10. С. 179–200; Он же. Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. Екатеринбург, 2011. С. 47–61; Он же. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274; Он же. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Урал. ист. вестн. 2018. № 4 (61). С. 72–80.

² См.: Lyubichankovskiy S. Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: An International Survey // Вестн. РУДН.

Любичанковский Сергей Валентинович — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург); в.н.с., Самарский ФИЦ РАН (г. Самара)
 E-mail: sulubich@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках реализации персональной стипендии Губернатора Оренбургской области для молодых докторов наук на 2021–2022 учебный год

период данный процесс резко активизировался, что было вызвано объективными изменениями в социально-экономической политике и соответствующим им переходом России к политике унификации образовательного пространства, перехода от вовлечения в него отдельных представителей национальных элит к более массовой интеграции.

В Оренбургском крае и в пограничной с ним Казахской степи, являющихся исторической фронтальной зоной между Уралом и Центральной Азией,³ этот вызов коснулся в первую очередь кочевых инородцев. Одним из первых инструментов их аккультурации были выбраны христианизация и внедрение русского языка. Если на ранних стадиях формирования системы верх брала насильственная христианизация, то в дальнейшем она сменилась ненасильственным миссионерством.⁴ При этом на юге Урала и Сибири, на границе с казахским кочевым миром, главным элементом степного фронта первоначально было культивирование ислама.⁵ Христианизация здесь тоже имела место, но наряду с исламизацией. Однако постепенно религиозная составляющая аккультурации уступила место политическим методам решения поставленных проблем. В современной историографии этот процесс глубоко изучен Г. С. Султангалиевой, ведущим исследователем социальных трансформаций в казахском обществе XIX в.⁶

В правительственном курсе на культурную и административную унификацию империи большая роль отводилась системе образования. Именно ей было предназначено активно участвовать в формировании единой идентичности «российского подданного». Аккультурация инородческого населения средствами просвещения представляла собой важнейший механизм мягкого повышения уровня населения окраин до внутрисоссийских культурных стандартов, без потери национальной и конфессиональной идентичности инородцев, но с приобретением (и/или усилением) ими качеств сознательного лояльного подданного Российской империи.⁷

Анализируя попытки администрации Оренбургской губернии поставить под жесткий контроль мусульманские школы, заставить открывать классы с преподаванием русского языка,⁸ видим, что они не увенчались успехом. Однако империя «переориентировалась», взяв за основу систему педагога и миссионера Н. И. Ильминского, и пошла на создание русско-инородческих школ.⁹ Однако не следует забывать, что, помимо инородческих школ, помогали решить задачу интеграции нерусскоязычных подданных и те школы, которые в историографии принято называть русскими, хотя они принимали к себе и инородцев. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о формировании казахской страты

Серия: История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 727–740; Джунджузов С. В., Любичанковский С. В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестн. РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 3. С. 494–524; Избасарова Г. Б., Любичанковский С. В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII — первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21; Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII — early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46, iss. 4. P. 1194–1206; Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christianed Kalmyks (1737–1842) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49, iss. 3. P. 970–979.

³ См.: Любичанковский С. В. История юго-восточного фронта России: актуальные проблемы, современные подходы к их решению // Вестн. РУДН. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 3. С. 520–524.

⁴ См.: Леонтьева О. Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2012. № 8/2 (99). С. 27–46.

⁵ См.: Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М., 2020; Любичанковский С. В. Политика оренбургской администрации по исламизации казахской степи и причины ее изменения в 1860-х гг. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. статей. Омск, 2015. Вып. 12. С. 112–120.

⁶ См.: Султангалиева Г. Казахское чиновничество оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX век) // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Т. 27. С. 77–101; Она

же. Общее и особенное в развитии просветительства тюркоязычных народов волго-уральского района и Казахстана (вторая половина XIX века) // *Этнопанорама*. 2001. № 4. С. 34–36; Тулешова У. Ж., Султангалиева Г. С. «Княжеское достоинство» потомков хана Внутренней Орды Джангира // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10, вып. 8 (82). URL: <https://history.jes.su/s207987840006062-7-1/> (дата обращения: 30.07.2021).

⁷ См.: Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10, вып. 8 (82) URL: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (дата обращения: 29.05.2021); Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург, 2019. С. 265–316.

⁸ См.: Любичанковский С. В. Становление и развитие образовательной системы Оренбургского края в XVIII–XIX вв. // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 15–21; Любичанковский С. В., Алешина С. А. Проблемы «инородческого образования» на Особом Советании 1905 г.: дискурсы и практика педагогов Оренбургского края // *Вопросы истории*. 2020. № 10. С. 260–266; Ковальская С. И., Любичанковский С. В. Российская образовательная система как канал аккультурации и модернизации сознания казахско-кочевников XVII — начала XX веков // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 2. С. 7–15.

⁹ См.: Любичанковский С. В. Русский язык как средство аккультурации: развитие русско-инородческих школ в Оренбургском крае в середине XIX века // Самар. науч. вестн. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 161–165.

выпускников в гимназиях и профессиональных учебных заведениях Оренбургской губернии пореформенного периода. Эта тема является слабоизученной в отечественной историографии, которая гораздо больше внимания уделила распространению в инородческой казахской среде начального образования.¹⁰ Между тем в пореформенный период среднеспециальные учебные учреждения готовили канцелярских служащих, школьных учителей, ветеринаров. Эти люди в итоге пополняли слой интеллигенции неаристократического происхождения, что создавало в казахском социуме совершенно новую ситуацию формирования новой элиты в виде национальной интеллигенции. Выпускники находили применение своим знаниям в аулах, переселенческих поселениях, даже в городах, что кардинально меняло как их собственное отношение к жизни в Российской империи за счет интеграции в общегосударственные управленческие, здравоохранительные и образовательные сети, так и отношение к этим людям внутри самих казахских сообществ.

Весьма ценным аспектом аккультурации в сфере просвещения следует признать процесс развития педагогического образования. Учителей для инородческих школ готовили специально созданные учительские школы. В Оренбургском крае они работали в Оренбурге, Троицке, Актюбинске.¹¹ И хотя, как считают исследователи, число подготовленных этими учебными заведениями казахов-учителей было небольшим — до сотни, именно эта среда «разночинной интеллигенции» стала в национальном социуме важнейшей «точкой роста» в сфере воспроизводства высоких социокультурных стандартов, полученных в указанных выше учебных заведениях.¹²

¹⁰ См.: Куликов И. А. Подготовка народных учителей в учительских семинариях. М., 1941; Сабитов Н. Русско-киргизские школы // Вестник АН КазССР. 1949. № 7. С. 18–22; Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982; Кенжетгаев Б. А. Казахские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX — начале XX века. Казань, 1996; Кузьмин К. В. Национальные учительские школы и проблемы христианизации уральских народов (конец 1860 — начало 1900 гг.) // Образование и наука. 2003. № 3 (21). С. 106–115; Курманкаев Р. Ф. Реформа мусульманских школ. Челябинск, 2004; Савицкий Г. В. Начальное народное образование на Южном Урале и в Северо-Западном Казахстане в 1851–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004; Койшигарина Г. Роль учебных заведений Южного Урала в формировании казахской интеллигенции (XIX — начало XX вв.). Уральск, 2007; Стурова М. В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50–80-е гг. XIX в.) // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2013. № 4/2 (80). С. 198–202.

¹¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 13. Л. 7.

¹² См.: Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской им-

перии: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург, 2018. С. 220.

Большая часть казахских выпускников этих школ преподавала в аульных школах, часть, оставаясь в городах, работала в русско-казахских школах, в средних специальных учебных заведениях. Некоторым удалось построить более успешную карьеру. Например, выпускник Оренбургской учительской школы Нургали Кульжанов позже окончил Семипалатинскую семинарию, был в ней педагогом, а затем продолжительное время заведовал русско-казахскими школами Уральской и Тургайской областей.¹³

Формирование казахской педагогической интеллигенции Оренбургского края тесно связано с образованием профессиональных учебных заведений и в первую очередь с казахской учительской школой. О том, что такая школа нужна, было заявлено еще в 1868 г. — в период, когда вводилось «Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Актюбинской и Семипалатинской».¹⁴ Над проектом школы работал Н. И. Ильминский. Школа была открыта в Орске в 1883 г. и функционировала там до 1889 г., успев подготовить 20 учителей, из которых в школы пошли работать 15 человек.¹⁵ В 1889 г. казахская учительская школа была переведена в Оренбург.

Среди наиболее ярких выпускников этой школы необходимо отметить ученика И. Алтынсарина Габдулгали Балгинбаева. После ее окончания он заведовал Карабутанским двухклассным училищем, затем был редактором газеты «Тургайские областные ведомости», работал инспектором народных училищ Тургайской области и был убежден, что «приобретение сотен тысяч... казахского населения к русской культуре оправдывает всякие денежные затраты».¹⁶

В Оренбургской казахской учительской школе, наряду с русскими преподавателями, работали и представители казахской интеллигенции: в 1880-х гг. — А. Суюничалиев, который окончил Казанский университет по специальности юриспруденция;¹⁷ в 1900-е гг. — Б. С. Исмуханов, преподававший

перию: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург, 2018. С. 220.

¹³ См.: Айтмухамбетов А. А. Казахские служащие российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX — начале XX вв. (исторический аспект): дис. ... док. ист. наук. Семей, 2010. С. 106.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 113. Л. 15.

¹⁵ См.: Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. С. 121.

¹⁶ Байдосов З. Первые шаги образования // Из истории Актюбинской области: краеведческий сб. Актюбинск, 1991. С. 26.

¹⁷ См.: Васильев А. В. Указ. соч. С. 143.

К статье С. В. Любичанковского

Николай Иванович Ильминский
(1822–1891)

Ибрай Алтынсарин
(1841–1889)

Мужская гимназия г. Оренбурга. Фото, конец XIX в.

казахский язык; учителями начальных классов были Т. И. Имангазиев, Г. А. Альбеков, Б. Б. Бахтыгеев.¹⁸

Ряд казахов выбирали себе обучение по профессиям, связанным с медициной. Этот процесс активизировался в связи с появлением в Оренбурге фельдшерской школы при Оренбургском военном госпитале (1841). В 1847 г. в нее было записано три казаха, однако два студента умерли в ходе обучения: сказались и оторванность от привычной жизни, и восприимчивость к болезням. Все это сформировало в казахской среде негативное отношение к обучению здесь. Пришлось подключить административный ресурс: председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев буквально насильно обеспечил приемную кампанию 1849 г. На 10 ученических мест 8 претендентов прислала Средняя орда, 10 — Восточная и 11 — Западная.¹⁹ В 1862 г. в своем письме генерал-губернатору А. П. Безаку председатель писал, что обеспечить набор в фельдшерскую школу можно было только угрозами: «...из 10 теперешних кандидатов в фельдшерскую школу действительно поступят туда более половины, а из этой половины половина, под разными предложениями, останется в степи после первого туда отпуска на летнюю вакансию; если же в предупреждение этого не отпускать киргизских воспитанников фельдшерской школы в вакационное время к родителям, то они перемрут здесь, как их предшественники, от ностальгии и образа жизни, несоответственного с их степными привычками».²⁰

Однако, даже несмотря на это первоначальное сопротивление, фельдшерская школа просуществовала до 1871 г. За этот период ее выпускниками, с присвоением им звания младших фельдшеров, стали шесть казахов.²¹ Архивные документы сохранили имена двух воспитанников фельдшерской школы, показавших особенно хорошие результаты — Мусабая Тутаева и Исмаила Байтавова.²² Однако

большая часть выпускников в итоге работала даже не в сфере здравоохранения, а чиновниками уездной администрации. Так, выпускник фельдшерской школы, уроженец Усть-Уйской станицы Хамза Карджасов работал при султানে — правителе Восточной орды, затем шесть лет преподавал в школе для казахских детей в Оренбурге, а с 1869 г. жил и работал в Кустанае.²³ Он был дружен с И. Алтынсариним, публиковал статьи в «Тургайской газете».²⁴ На этом примере мы видим типичную траекторию карьеры для представителей новой национальной интеллигенции, которая смогла интегрироваться в российское социокультурное пространство, заняв там свою особую нишу.

В конце XIX в. назревала явная необходимость создания сельскохозяйственных школ для казахов в связи активизацией процесса перехода от кочевого образа жизни к оседлому.²⁵ Начальные шаги по внедрению основ аграрных знаний в казахскую среду относятся к 1870-м гг. Тогда стали практиковать интернаты для казахских детей. В интернатах учили огородничеству, скотоводству, фермерскому хозяйству, сопутствующим ремеслам в различных мастерских. Средства на содержание интернатов шли от киргизских обществ.²⁶ Интернаты не оправдали надежд в силу разных причин: это и многопредметность, и низкая квалификация учителей. Местная пресса («Тургайская газета») писала о том, что, даже получив знания, ученики не могли применить их в должной мере на практике, потому что попадали в ту среду, которая отторгала и знания, и их носителей. Предлагалось «сгладить... рознь между культурными одиночками и окружающим их населением, что возможно достигнуть распространением в среде кочевников агрономических знаний при посредстве народных школ».²⁷ При этом под «народными школами» понимались русско-киргизские школы: «...вся

²³ См.: Койшигарина Г. М. Указ. соч.

²⁴ См.: Происхождение слов: Аман-каркай, Наурузум, Тырсақ, Толагай-Тепке, Дбике, Сарымоин // Тургайская газета. 1895. 25 июня; Из воспоминаний о султани Ахмете Джантюрине // Тургайская газета. 1895. 9 июля; Николаевск (Кустанай) // Тургайская газета. 1895. 14 янв.

²⁵ См.: Асанова Г. К. Земельный вопрос в дореволюционной колониальной политике России в Казахстане // Вопросы истории казахского традиционного хозяйства: материалы межвуз. конф. Костанай, 1997. С. 48–55; Мусабалина Г. Т. Политико-политические институты казахского общества и колониальная администрация царской России (первая четверть XVIII в. — первая половина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2001; Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII — начала XX века). Барнаул, 2003.

²⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 1417. Л. 41.

²⁷ О сельскохозяйственном образовании у киргиз // Тургайская газета. 1896. № 62.

¹⁸ См.: Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1901. Оренбург, 1900. С. 53; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1895. Оренбург, 1894. С. 49; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896. Оренбург, 1895. С. 62.

¹⁹ См.: Васильев А. В. Указ. соч. С. 12. Средняя, Восточная и Западная орда — это термины XIX в., соответствующие более привычным нам сегодня понятиям Среднего, Младшего и Старшего жузов соответственно.

²⁰ Цит. по: Койшигарина Г. М. Роль учебных заведений Южного Урала в формировании казахской интеллигенции. Вторая половина XIX — начало XX веков. URL: <https://articlekz.com/article/5347> (дата обращения: 29.05.2021).

²¹ См.: Там же.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3627. Л. 39.

задача по отношению распространения сельскохозяйственных знаний должна выразиться со стороны этих школ в знакомстве учащихся с элементарными сведениями более рационального ведения хозяйства в главных отраслях — по животноводству и полеводству, что собственно составляет базис агрономических знаний, и без усвоения их не может быть и речи ни об улучшениях, ни о проникновении в среду сельскохозяйственной жизни культурных новшеств».²⁸

Необходимость в светски образованных подданных среди казахов оставалась актуальной в течение всего исследуемого периода. При этом, судя по докладам и циркулярам государственных лиц, эту необходимость отчетливо ощущали как имперские власти, так и сам казахский этнос. В январе 1897 г. военный губернатор Тургайской области Я. Ф. Барабаш с сожалением констатировал, что из-за неимения подготовленных к службе людей «важные административные распоряжения потому оставались без исполнения, и интересам подведомственного волостным управителям населения наносился существенный ущерб».²⁹ Те выпускники, которые оканчивали курс русских учебных заведений, в итоге трудились на должностях переводчиков, учителей, младших помощников уездных начальников и т. п. Губернаторская власть способствовала расширению этого слоя. Я. Ф. Барабаш так описывал ситуацию: «Ныне в области уже открыто 70 школ разного типа и учреждено более 50 стипендий для киргизских детей в высших, средних и низших учебных заведениях, находящихся в Оренбурге, Казани, Петербурге, Москве, Троицке и Красноуфимске».³⁰

Техническую интеллигенцию в регионе готовило Оренбургское реальное училище, открывшееся в 1893 г. Обучение в нем длилось 7 лет. Претенденты — казахи, как правило, принимались в «приготовительный» класс, поскольку не обладали необходимыми знаниями для обучения непосредственно в первом классе. По подсчетам А. Л. Захарченко, в Оренбургском реальном училище за период с 1894 по 1917 гг. полный курс образования прошли 23–24 казахских юноши.³¹

В Оренбургской гимназии с 1868 по 1892 гг. проходили обучение 52 казаха, но документ (аттестат) о прохождении полного курса был получен лишь 10 из них.³² Наибольшую известность получили два выпускника Оренбургской гимназии — Сейтмухамет Суюнжалиев и Ахмед Беремжанов.³³ Некоторые выпускники гимназии потом учились в университетах. Так, среди 12 студентов-казахов, обучавшихся в конце XIX — начале XX в. в Санкт-Петербургском университете, шесть были выпускниками Оренбургской гимназии: Б.-Х. Ниязов, Б. Каратеев, Л. К. Ниязов, С. Джантурин, Ж. Сейдалин и С. Нуралиханов.³⁴ Из выпускников Казанского университета известен Нурмухамед Айчуванов, который закончил Оренбургскую гимназию и получил профессию врача.³⁵

Важно подчеркнуть, что даже в условиях отсутствия у нас сводных данных о происхождении, карьере и других социокультурных параметрах казахов — выпускников образовательных учреждений края приведенные выше сведения о выпускниках учебных заведений свидетельствуют о том, что процесс формирования национальной интеллигенции имел место. Сложно согласиться в полном объеме с теми исследователями (например, М. В. Стуровой), которые оценивают результаты образовательной политики власти в отношении казахского населения как невысокие. Даже единичные успешные случаи реализации образовательной политики означали создание в казахском социуме новых «точек роста», которые постепенно меняли казахское общество изнутри.

Итак, инициатива обучения казахской молодежи в Оренбургских учебных заведениях принадлежала имперской администрации, которой был необходим квалифицированный штат чиновников и профильных специалистов из инородческой среды. Такая активизация имперской политики аккультурации способствовала росту этнического самосознания, осознанию необходимости образования, пониманию, что духовное развитие народа напрямую связано с образованностью, причем по русским стандартам. Процесс формирования казахской интеллигенции в Оренбургском крае и в сопредельной ему Казахской степи был напрямую связан с образовательной и просветительской политикой имперских структур, сутью которой было формирование нового

²⁸ Там же.

²⁹ Циркуляр военного губернатора Тургайской области Уездным начальникам Тургайской области // Казахские чиновники на службе Российской империи: сб. документов и материалов. Алматы, 2014. С. 68.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Захарченко А. Л. Общественно-политические, культурные связи Северного Казахстана и Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири (XIX — начало XX века). Павлодар, 2004. С. 44.

³² ГАОО. Ф. 11. Оп. 7. Д. 138. Л. 25.

³³ Там же. Д. 140. Л. 88.

³⁴ Там же. Д. 146. Л. 17.

³⁵ См.: Айтмухамбетов А. А. Указ. соч. С. 5.

поколения в духе государственной идеологии. Такая аккультурация кочевого народа являлась важным фактором формирования в его среде национальной интеллигенции, ряд представителей которой явились инициаторами становления в крае системы народного образования, приспособленной под местные нужды. Фактически с помощью этой системы Российская империя добилась больших успехов на пути конструирования единого социокультурного пространства в регионе, одной из составляющих которого, собственно, и стало создание системы образования с включением в нее как русско-казахских и аульных школ, так и обычных средних и профессиональных учебных заведений, принимающих к себе инородцев. Эти школы фактически представляли собой аккультурационную модель образовательного учреждения с тенденцией к пересечению двух культурно-цивилизационных основ — российско-имперской (русской в основе своей) и инородческой (в данном случае казахской). В итоге Оренбург стал тем городом, где были заложены основы для развития казахской интеллигенции, а следовательно, и для упрочения казахской национальной идентичности. Важно подчеркнуть, что это происходило не вопреки, а именно вследствие реализации имперской политики аккультурации средствами просвещения. Можно, конечно, оценивать этот процесс как возвращение Империей собственных могильщиков; однако более уместной представляется интерпретация процесса как ключевого механизма постепенного преобразования Империи в модерное государство.³⁶

Безусловно, имперская политика аккультурации во многом обусловила (или по крайней мере значительно активизировала) изменения, происходившие в традиционном казахском социуме. Изменения затронули систему взаимовлияния и вертикально-горизонтальных отношений между социальными группами казахов. Произошло смещение ролевых функций казахской аристократии. Получившие образование выходцы из казахской элиты включились в российскую систему администрирования, получали, помимо уже имевшегося статуса, обусловленного происхождением, новые рычаги власти. Это, на наш взгляд, послужило стимулом для получения казахскими

детьми светского образования. Такие выпускники были сориентированы сами и в дальнейшем ориентировали уже своих подопечных на государственно-светскую образовательную модель, основанную на восприятии русского культурного кода, что и послужило отправной точкой для формирования казахской интеллигенции в регионе. Начавшая развиваться система профессионального и среднего и начального образования, сориентированная в том числе на выходцев из казахской среды, закрепляла эту тенденцию окончательно. Вызов пореформенной модернизации, связанный с противоречием между проникающими в степь новыми институтами, экономическими инновациями и отсутствием в инородческой казахской среде возможности адекватно воспринять их и воспользоваться предлагаемой инфраструктурой на благо собственного развития, породил ответ в виде интегрировавшихся через русскую образовательную систему казахов, ставших новой элитой казахского народа — не по праву крови, а исходя из приобретенных новых компетенций и взглядов на жизнь. Эта новая национальная интеллигенция стала мощным фактором культурного и даже государственного роста казахов в составе России, что стало окончательно очевидным в условиях кризиса и краха империи. Процесс являлся противоречивым, поскольку ответ в виде формирования общероссийской идентичности создавался на базе оформления идентичности национальной казахской (и других инородческих). Как и во многих других сложносоставных государствах, в России развитие национализма повлекло за собой сложный процесс переформатирования государства. Можно сказать, что империя в итоге, сама того не желая, породила своих «могильщиков». Однако также верно будет утверждать и то, что возрождение единого государства на новой основе во многом базировалось на элементах общероссийской идентичности, начавших формироваться в имперскую эпоху. Вызов пореформенной модернизации был принят государством, сформулированный им ответ на него включал в себя на территории степного фронта активизацию политики аккультурации инородцев средствами просвещения, а побочным, но весьма важным эффектом этого процесса стало формирование национальной казахской интеллигенции в современном смысле этого слова.

³⁶ Об этом подробнее см.: Любичанковский С. В. Кризис губернского управления регионами в поздней имперской России // Федерализм. Теория. Практика. История. 2007. № 1 (45). С. 127–140.

Sergey V. Lyubichankovskiy

Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University; Samara Federal Research Center of the RAS (Russia, Orenburg, Samara)

E-mail: svlubich@yandex.ru

FORMATION OF THE KAZAKH INTELLIGENTSIA
IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE ORENBURG REGION:
THE RESPONSE TO THE CHALLENGES OF POST-REFORM MODERNIZATION

The article summarizes data on the education of non-Russians of Kazakh origin in the so-called “Russian” secondary and vocational educational institutions of the Orenburg region (gymnasiums, teacher’s schools, paramedic schools, agricultural schools) during the period of post-reform modernization. It shows the typical career paths of Kazakh graduates of these educational institutions, reconstructs main difficulties accompanying the process of recruiting Kazakhs to these schools and studying in them. It is concluded that the policy of acculturation in the field of education implemented by the central and regional authorities was activated in the post-reform period in connection with the involvement of national minorities in the modernization processes of the development of outlying territories. The formation of the Kazakh intelligentsia in the Orenburg region and the adjacent Kazakh steppe was directly related to the educational and enlightenment policy of the imperial structures. The empire made great strides on the way of construction of a single socio-cultural space in the region, one of the components of which was the creation of an education system with the inclusion of both Russian-Kazakh and aul schools, and “ordinary” secondary and professional educational institutions that admitted non-Slavic population. As a result, Orenburg has become the city where the foundations were laid for the development of the Kazakh intelligentsia, and, consequently, for the consolidation of the Kazakh national identity. It is emphasized that it was not despite but thanks to the imperial policy of acculturation by means of enlightenment. The author concludes that the post-reform modernization challenge, associated with the contradiction between innovations penetrating the steppe and the lack of an opportunity in the “foreign” Kazakh environment to adequately perceive them and use the proposed infrastructure for the benefit of their own development, gave rise to an response in the form of Kazakhs integrated through the Russian educational system, who became the new elite of the Kazakh people — not by right of blood, but based on the acquired new competencies and outlook on life. This new national intelligentsia has become a powerful factor in the cultural and even state growth of Kazakhs within Russia.

Keywords: *Kazakh intelligentsia, post-reform modernization, educational system, Orenburg region, acculturation, enlightenment*

REFERENCES

- Aitmukhambetov A. A. *Kazakhskkiye sluzhashchiye rossiyskoy imperii: formirovaniye, professional'naya i obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' v XIX — nachale XX vv. (istoricheskiy aspekt): dokt. diss.* [The Kazakh employees of the Russian empire: formation, professional and socio-political activities in the 19th — early 20th centuries. (historical aspect): Diss. Doc.]. Semey, 2010. (in Russ.).
- Asanova G. K. [The land issue in the pre-revolutionary colonial policy of Russia in Kazakhstan]. *Voprosy istorii kazakhskogo traditsionnogo khozyaystva. Materialy mezhvuzovskoy konf.* [Questions of the history of the Kazakh traditional economy. Materials of the interuniversity conf.]. Kostanay: B. i., 1997, pp. 48–55. (in Russ.).
- Baidosov Z. [The first steps of education]. *Iz istorii Aktyubinskoy oblasti: krayevedcheskiy sb.* [From the history of the Aktobe region: local history collection]. Aktyubinsk: ARGU Publ., 1991, pp. 24–28. (in Russ.).
- Bykov A. Yu. *Istoki modernizatsii Kazakhstana (Problema sedentarizatsii v rossiyskoy politike XVIII — nachala XX veka)* [The origins of modernization of Kazakhstan (The problem of sedentarization in Russian politics of the 18th — early 20th century)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2003. (in Russ.).
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. [Kalmyks of Southern Ural in the XVIII — early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity]. *Bylye Gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal Bylye Gody], 2017, vol. 46, iss. 4, pp. 1194–1206. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1194 (in English).
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. [The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842)]. *Bylye Gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal Bylye Gody], 2018, vol. 49, iss. 3, pp. 970–979. DOI: 10.13187/bg.2018.3.970 (in English).

Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovskiy S. V. [Impact of the Russo-Turkish war of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg expedition)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 494–524. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524 (in Russ.).

Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii) [Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of the nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)]. Orenburg: ITs OGAU Publ., 2019. (in Russ.).

Izbassarova G. B., Lyubichankovskiy S. V. [Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th — first half of the 19th century: from a personal position to a management system]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2018, no. 2, pp. 13–21. (in Russ.).

Kenzhetaev B. A. *Kazakhskiyе uchebnyye zavedeniya i protsess formirovaniya kazakhskoy intelligentsii v seredine XIX — nachale XX veka* [Kazakh educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the mid-19th — early 20th century]. Kazan: PIF Publ., 1996. (in Russ.).

Koishigarina G. M. [The role of educational institutions of the South Urals in the formation of the Kazakh intelligentsia. Second half of the 19th — early 20th centuries]. Available at: <https://articlekz.com/article/5347> (accessed: 29.05.2021). (in Russ.).

Koishigarina G. *Rol' uchebnykh zavedeniy Yuzhnogo Urala v formirovanii kazakhskoy intelligentsii (XIX — nachalo XX vv.)* [The role of educational institutions of the South Urals in the formation of the Kazakh intelligentsia (19th — early 20th centuries)]. Uralsk: B. i., 2007. (in Russ.).

Kovalskaya S. I., Lyubichankovsky S. V. [Russian educational system as a channel for acculturation and modernization of consciousness of nomadic Kazakhs of the 18th and beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 7–15. DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-7-15 (in Russ.).

Kruz R. *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noy Azii* [For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2020. (in Russ.).

Kulikov I. A. *Podgotovka narodnykh uchiteley v uchitel'skikh seminariyakh* [Training of national teachers in teachers' seminaries]. Moscow: MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1941. (in Russ.).

Kurmankaev R. F. *Reforma musul'manskikh shkol* [Reform of Muslim schools]. Chelyabinsk: B. i., 2004. (in Russ.).

Kuzmin K. V. [National teacher's schools and the problems of Christianization of the Ural peoples (late 1860 — early 1900)]. *Obrazovaniye i nauka* [Education and Science Journal], 2003, no. 3 (21), pp. 106–115. (in Russ.).

Leontieva O. B. [National and confessional policy of the Russian Empire in contemporary historiography]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2012, no. 8/2 (99), pp. 27–46. (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. [Imperial Acculturation on Russia's Southeastern Frontier: An International Survey]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 727–740. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-727-740 (in English).

Lyubichankovskiy S. V. [Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach]. *Istoriya* [History], 2019, vol. 10, iss. 8 (82). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006065-0-1/> (accessed: 30.07.2021). DOI: 10.18254/S207987840006065-0 (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. V. [Crisis of province government in the late-imperial Russia]. *Federalizm. Teoriya. Praktika. Istoriya* [Federalism. Theory. Practice. History], 2007, no. 1 (45), pp. 127–140. (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. V. [Formation and development of the educational system of the Orenburg region in the XVIII–XIX centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2020, vol. 26, no. 4, pp. 15–21. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-15-21 (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. V. [Russian language as a means of acculturation: development of Russian-Foreign schools in the Orenburg region in the middle of the XIX century]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2018, vol. 7, no. 1 (22), pp. 161–165. (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. V. [The history of Russia's South-Eastern Frontier: current issues, contemporary approaches]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 520–524. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-3-520-524 (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. V. [The policy of the Orenburg administration on the Islamization of the Kazakh steppe and the reasons for its change in the 1860s]. *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the history of Siberia]. Omsk: OmGPU Publ., 2015, iss. 12, pp. 112–120. (in Russ.).

Lyubichankovskiy S. V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX — nachalo XX vv.)* [The policy of acculturation by means of enlightening of the Russian Empire's Islamic subjects: the historical experience of the Orenburg region (mid-19th — early 20th centuries)]. Orenburg: ITs OGAU Publ., 2018. (in Russ.).

Lyubichankovsky S. V., Aleshina S. A. [Problems of “foreign education” at the special meeting of 1905: discourses and practice of teachers of the Orenburg region]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2020, no. 10, pp. 260–266. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi19 (in Russ.).

Musabalina G. T. *Potestarno-politicheskiye instituty kazakhskogo obshestvu i kolonial'naya administratsiya tsarskoy Rossii (pervaya chetvert' XVIII v. — pervaya polovina XIX v.): kand. diss.* [Potestary-political institutions of the Kazakh societies and the colonial administration of tsarist Russia (first quarter of the 18th century — the first half of the 19th century): Diss. Cand.]. Almaty, 2001. (in Russ.).

Ososkov A. V. *Nachal'noye obrazovaniye v dorevol'yutsionnoy Rossii (1861–1917)* [Primary education in pre-revolutionary Russia (1861–1917)]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1982. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Characteristics of the frontier modernization (in terms of the Urals in the 18–19th centuries)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2010, iss. 11, pp. 202–210. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization as a Russian civilizational phenomenon]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2013, iss. 12, pp. 246–274. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the context of Russian civilization]. *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perekhoda ot traditsionnogo k sovremennomu obshestvu* [Modernization in a civilizational context: Russian experience of transition from traditional to modern society]. Ekaterinburg: IzdatNaukaServis Publ., 2011, pp. 47–61. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the east of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [Peripheral modernization in the Russian Empire: regional variations]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 179–200. (in Russ.).

Poberezhnikov I. V. [The administrative factor in the context of the frontier modernization of the Urals in the 18th–19th centuries]. *Regional'noye upravleniye i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII — nachalo XXI veka)* [Regional management and the problem of the effectiveness of power in Russia (18th — early 21st century)]. Orenburg: Orenburgskiy filial RANKhiGS pri Prezidente RF Publ., 2012, pp. 17–20. (in Russ.).

Sabitov N. [Russian-Kyrgyz schools]. *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoy SSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR], 1949, no. 7, pp. 18–22. (in Russ.).

Savitsky G. V. *Nachal'noye narodnoye obrazovaniye na Yuzhnom Urale i v Severo-Zapadnom Kazakhstane v 1851–1917 gg.: kand. diss.* [Primary public education in the South Urals and North-West Kazakhstan in 1851–1917: Diss. Cand.]. Orenburg, 2004. (in Russ.).

Sturova M. V. [Educational Environment in the Akmolinsk and Semipalatinsk Regions in the 1850s–1880s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2013, no. 4/2 (80), pp. 198–202. DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-39 (in Russ.).

Sultangalieva G. [Kazakh officialdom of the Orenburg department: formation and direction of activity (19th century)]. *Acta Slavica Iaponica* [Acta Slavica Iaponica], 2009, vol. 27, pp. 77–101. (in Russ.).

Sultangalieva G. S. [The General and the special in the development of enlightenment of the Turkic-speaking peoples of the Volga-Ural region and Kazakhstan (second half of the 19th century)]. *Etnopanorama* [Ethnopanorama], 2001, no. 4, pp. 34–36. (in Russ.).

Tuleshova U. Zh., Sultangalieva G. S. [“The Prince Title” to Descendants of Bukeev Horde Khan Dzhangir]. *Istoriya* [History], 2019, vol. 10, iss. 8 (82). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006062-7-1/> (accessed: 30.07.2021). DOI: 10.18254/S207987840006062-7 (in Russ.).

Zakharchenko A. L. *Obshchestvenno-politicheskiye, kul'turnyye svyazi Severnogo Kazakhstana i Povolzh'ya, Yuzhnogo Urala, Zapadnoy Sibiri (XIX — nachalo XX veka)* [Socio-political, cultural communications of Northern Kazakhstan and the Volga region, the Southern Urals, Western Siberia (19th — early 20th century)]. Pavlodar: Pavlodarskiy universitet Publ., 2004. (in Russ.).